

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 33–49.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2024;9(2):33-49.

Персоналии

УДК 930:001.12

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-2-33-49

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСКИ С. Ф. ПЛАТОНОВА (23 ИЮЛЯ — 14 АВГУСТА 1877 Г.): «НЕ ОСУЖДАЙТЕ ЭТУ ТЕТРАДЬ!». ЧАСТЬ 3

Виктор Владимирович Митрофанов

Университет при Межпарламентской ассамблее Евразийского экономического сообщества, Санкт-Петербург, Россия, viktor-n1962@mail.ru, ORCID 0000-0003-2094-6883

Аннотация. Дневниковые записи, сделанные юным С. Платоновым, продолжают наполняться его мыслями, вопросами, которые возникали в его жизни и требовали разрешения. Тетрадные листы активно пишутся после известных знакомств с двумя сёстрами — внучками известных К. Ф. Калайдовича (Евгения носила эту фамилию) и Н. С. Селивановского. Среди новых чувств, ранее неизвестных, появляются страдание, чуть позже ревность. Последнее связано с новыми знакомствами, в первую очередь с В. Н. Беркутом. Именно он стал причиной изменений отношений между С. Платоновым и Е. Н. Калайдович. И эта тема является главной в этой части дневниковых записей и стоящих близко к ним воспоминаний, написанных через два года, уже в период студенческой поры. Один из главных возникших вопросов — различия между мужской и женской любовью. Помогает искать ответы обращение к произведениям Белинского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, поэзии М. Ю. Лермонтова. Эта часть записей уже отличается от ранее опубликованных. Рассуждения становятся всё более осмысленнее, появляются новые чувства, что является показателем как взросления, так и духовного влияния новых знакомых.

Ключевые слова: С. Платонов, Е. Н. Калайдович, дневниковые записи, воспоминания, саморефлексия

Для цитирования: Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (23 июля — 14 августа 1877 г.): «Не осуждайте эту тетрадь!». Часть 3 // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 33–49. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/38-magistravitae-2-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-2-33-49

Personalities

DIARY NOTES OF S. F. PLATONOV (JULY 23 — AUGUST 14, 1877): “DO NOT CONDEMN THIS NOTEBOOK!”. PART 3

Viktor V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St. Petersburg, Russia, viktor-n1962@mail.ru, ORCID 0000-0003-2094-6883

Abstract. The diary notes made by the young S. Platonov continue to be filled with his thoughts and questions emerging in his life and requiring resolution. He actively writes after well-known acquaintances with two sisters, the granddaughters of the famous K. F. Kalaidovich (Evgenia used this surname) and N. S. Selivanovsky. Among the new feelings, previously unknown, there is suffering, and a little later jealousy. The latter is connected with new acquaintances, primarily with V. N. Berkut. It is him who causes the changes in relations between S. Platonov and E. N. Kalaidovich. And this topic is the main one in this part of the diary note and in the memories close to them but written in the student period two years later. One of the main questions is the difference between male and female

love. Appealing to the works by Belinsky, Saltykov-Shchedrin, Turgenev, and the poetry of M. Y. Lermontov, he tries to find answers. This part of the recordings is already different from the previously published ones. Reasoning becomes more and more meaningful, new feelings appear, which is an indicator of both growing up and the spiritual influence of new acquaintances.

Keywords: S. Platonov, E. N. Kalaidovich, diary notes, memories, self-reflection

For citation: Mitrofanov VV. Diary Notes of S. F. Platonov (July 23 — August 14, 1877): “Do not Condemn this Notebook!”. Part 3. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(2):33-49. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/38-magistra-vitae-2-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-2-33-49

Введение

В одном из писем известный в своё время педагог и публицист С. Н. Поляков (1870–1936) [Поляков, 1916] просил С. Ф. Платонова написать школьные воспоминания. Просьба исходила от совсем ещё молодого человека, который был малоизвестным в педагогических кругах. На что 27 апреля 1892 г. получил ответ следующего содержания: «Милостивый государь! Я позволю себе уклониться от Вашего предложения написать свои школьные воспоминания с целью решить вопрос об отношениях школы и жизни. Я человек настолько занятой и настолько некомпетентный в теоретических вопросах обучения и воспитания, что чувствую себя не в силах выполнить с успехом предлагаемую Вами задачу. Примите уверение в совершенном почтении к Вам» [Академик, 2003, с. 34]. А как оказывается, у С. Ф. Платонова был уже готовый дневник, правда, содержание его отвечало потребностям только самого автора. Педагогических сюжетов гимназической поры в нём нет, за исключением отдельных эпизодов, например, о непродолжительном общении с В. Ф. Кеневичем на литературные темы. Значение гимназии вообще на формирование молодых людей определено лаконично. Для раскрытия предложенной темы дневниковые тетради не подходили.

Дневниковые записи лета 1877 г. и новые чувства

Продолжая публикацию дневниковых записей С. Платонова, мы обращаемся к очередной VI тетради за 1877 г. Обнаруживается, что часть из них сделаны одновременно с уже опубликованными из V тетради, небольшими по объёму [Митрофанов, 2023]. При этом 23 и 24 июля записи сделаны в обеих. Основные же летние события С. Платонов описал в июле и августе, общий их объём составил 19 листов. VI тетрадь автор выделил в отдельный «московский отдел»¹ и просил «не осу-

¹ Здесь и далее курсивом выделены фрагменты из публикуемых материалов и не оговариваются.

ждать» за его содержание. Примечательно, что 24 июля записи делались трижды, указывалось даже время. Выходит, что весь день с перерывами С. Платонов был занят осмыслением волновавших его вопросов и аккуратно записывал приходившие к нему мысли.

Главная новость этого времени — «счастливой эпохи», так назвал его сам автор, — получение «дорогих писем» от новых друзей из Москвы. Дётся оценка своего отношения к Е. Н. Калайдович — «тихая, сильная симпатия», с которой он «сходится почти во всём». Все записи о летних встречах в селе Харино дают почву для размышлений о дружбе с женщиной, они окрыляют автора, из него потоком поэзия льётся, появляется новое, неизвестное ранее чувство — страдание. Мимолётно появилась даже мысль о револьвере как средстве прекратить его. Обращение к поэзии М. Ю. Лермонтова помогает изменить настроение.

Главный итог знакомства с Евгенией Николаевной, многочасовых бесед, прогулок — они помогли «выгнать из меня много, почти всё зло, которое накопилось во мне в 17 лет моей жизни». Такова была степень влияния образованной, думающей, стремящейся найти ответы на многие вопросы молодой женщины. Заметим, что предыдущие годы подготовили почву для этого у юного друга — маркиза, побратима, как ласково называла С. Платонова Евгения Николаевна.

Помимо всего прочего, у юноши, у которого и ранее был развит эгоизм, теперь это качество очень быстро переросло в ревность. Ещё одно новое неизвестное ранее чувство, испытанное впервые, когда он узнал о существовании В. Н. Беркута. Хорошо, что был дневник, с которым можно беседовать, не скрывая своих эмоций, он бережно хранил тайны.

Сложность ситуации заключалась в том, что было две сестры и обе нравятся. Как сделать выбор? Обе пишут письма, каждой приятно вести переписку с умным, начитанным, эрудированным, начинающим неплохим поэтом и вообще человеком, с которым интересно быть.

Рассуждая и фиксируя свои мысли в дневнике, автор сравнивает свой идеализм с материализмом Латкина. На этом примере в дневнике С. Платонов пытается сравнить мужскую дружбу с женской. Отношения с Латкиным были настолько доверительными, что каждый мог читать дневник друга. Но эта дружба называется дружбой XIX в., и поэтому не похожа на дружбу с Е. Н. и С. Ю. Делая записи, автор позже возвращался к ним и перечитывал. Кроме того, он готовил второй дневник для стороннего читателя. Так хотелось изложить свои мысли, доверить их неговорящей бумаге, зафиксировать, а потом прочитать, сравнить и оценить свою объективность.

Большую радость доставляли письма от Е. Н., которые читались и не раз перечитывались. Поэтому страницы дневника желательнее читать параллельно с письмами Е. Н. Калайдович, опубликованными на страницах настоящего журнала. При этом условии многое становится понятным и снимаются возникающие вопросы. Настолько эти два письменных источника близки и взаимно дополняют друг друга. Публикация же дневника во многом поможет понять и сюжеты ответных писем маркиза, которые, к большому сожалению, пока не выявлены.

Размышляя о симпатиях, любви к девушке, автор дневника проводит ассоциации с литературными героями — Рудиным, Раевским, Буеракиным, что указывает на знакомство с известными произведениями. Редко, но есть обращения и к Богу.

Воспоминания как попытка рефлексии недавних событий

Близко к дневниковым записям из VI тетради и уже опубликованным стоит другая тетрадь с текстом, который имеет название: «“Над обрывом”: Мемуары о том, что было в деревне и над обрывом (1877–1878)»¹. Это уже не дневник, а, по сути, воспоминания о прошедшем два года назад лете. Писались они нескольких месяцев с апреля по сентябрь 1879 г. Текст имеет свои особенности, так поставлена цель, для чего писать. Целый месяц ушёл на раздумья — следует ли обращаться к событиям, которые прошли. С. Платонов теперь уже в статусе студента университета.

Автор решил вновь погрузиться и по-новому осмыслить совсем сравнительно недавние события, которые для него важны, и мы видели, насколько они были дороги. Начинается повество-

вание с последнего года обучения в гимназии, которая мало что давала. Зафиксирован уровень личного, прежде всего духовного состояния, умственного развития и кругозора. Сам С. Платонов мало отличался от других, духовные интересы ограничивались уроками. Но уже в это время он читал романы Белинского и Тургенева, помогавшие сохранять «некоторую содержательность» личности. Время опасной болезни весной 1877 г. способствовало развитию апатии ко всем и ко всему. Самым памятным, даже судьбоносным событием лета 1877 г., была встреча с сёстрами Софьей Юрьевной Митковой и Евгенией Николаевной Калайдович, особенно с последней. Уже известные сведения о знакомстве с ними существенно дополняются этими воспоминаниями. Страницы этой тетради писались с трудом, на что указывают сроки их составления и перерывы. Записи с 19 апреля по 4 июня не велись — пора экзаменов в университете, первый курс благополучно окончен. Затем с 7 июля до 16 августа очередной перерыв.

Причиной же обращения к новому жанру стали события, связанные со знакомством с В. Н. Беркутом, который в первом же письме от 3 сентября 1878 г. объяснил своё отношение к Е. Н.: «А я буду дожидаться, когда Е[вгения] Н[иколаевна] полюбит настоящим образом, когда она полюбит такого человека, который будет способен дать ей всё, чего ей нужно. А тогда моя жизнь кончится. До тех же пор, пока её увлечение продолжается, я буду пользоваться хоть долею того счастья, к[ото]р[ое] может доставить мне это её увлечение» [Митрофанов, 2019, с. 167]. На взаимность рассчитывал и юный маркиз, который и не рассматривался как возможная партия.

Становится понятным официальный стиль первого письма для Е. Н. после летних встреч от С. Ф. Платонова, которое вызвало её удивление и недовольство. Маркиз предлагал даже разрыв отношений. На душе самой Е. Н. было неспокойно. Об этом свидетельствует то, что за ответ «маркизу» она принималась три раза. А 10 сентября письмо начинается необычно: «Не ответила я вам тотчас по получении письма по двум причинам; во-первых, мне надо было самой успокоиться, а во-вторых, подумать над вашим письмом; теперь, когда и то, и другое сделано, я принимаюсь за ответ» [Митрофанов, 2021, с. 104].

Между тем у С. Ф. Платонова и Е. Н. продолжалось наметившееся охлаждение в общении, письма из Москвы приходили стали всё реже. После 27 ноября 1878 г. прошло больше месяца, начался

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1225. Л. 1–10.

новый год, но известий по-прежнему всё не было. О раздумьях и страданиях по этому поводу свидетельствуют записи в дневнике С. Ф. Платонова за январь 1879 г.: 9-го числа «Москвичи меня бросают... Бог с ними! Горько мне это, но кто виною? Вероятно, сам. Будьте счастливы! Вы — не я, вы достойны счастья»; утром 18 января «Из Москвы писем нет... О, Боже мой! Всё против меня. Неужели трудно сесть и написать три строчки? Или меня забыли... или прогнали? Я до тех пор писать не буду, пока мне письма не напишут. Более надоедать нечего»; 27-го запись сделана днём «Они для меня утеряны: ясно, что московские меня бросили...»¹.

Вот при таких обстоятельствах, на фоне отчаянного положения С. Ф. Платонов берётся за перо, чтобы воскресить, ещё раз проанализировать и обдумать первые месяцы знакомства с Е. Н., успокоить в какой-то мере себя. Вероятно, объём этих записей должен быть большим, чем они получились.

Толчком же к написанию воспоминаний явилась случайная встреча с женщиной и её тремя дочерьми во время переправы через Неву.

К счастью, новые обстоятельства — восстановление письменного общения с Е. Н. — изменили и первоначальную цель воспоминаний. Настроение печали улетучилось, что нашло отражение в поэтических строках. Желание дописать воспоминания оставалось какое-то время, но так

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1219. Л. 12, 14, 16 об.

и не было реализовано. Поэтому мы не узнаем, какие мысли доверил бы автор своему собеседнику — чистому листу бумаги.

Эта часть письменных размышлений по своему характеру близка к дневниковым записям. В ней затронут известный эпизод из жизни 16–17-летнего молодого человека. Поэтому и помещаем эти письменные раздумья с материалами, хронологически близко стоящими к ним.

Заключение

Работа с дневником требует большой силы воли, регулярности, она присуща людям, которым порой некому высказать свою позицию, поэтому собеседником являются чистые листы тетради. Становится известным фактом, что записи делались иногда в двух разных тетрадях одновременно. Первое серьёзное юношеское увлечение способствует появлению ранее неизвестных ощущений — страдания и ревности. Попытка найти ответ на вопрос о женской любви приводит к обращению к произведениям известных авторов. Но реальная жизнь оказывается намного сложнее. Особенно когда это касается самого автора записей.

Дневниковые записки близко стоят к опубликованным письмам Е. Н. Калайдович, адресованным её другу С. Платонову. Эти источники личного происхождения позволяют следить за формированием мировоззрения молодого человека и исканиями передовой молодёжи 1870–1880-х гг.

С. Ф. Платонов

Дневник за 23 июля — 14 августа 1877 г.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1216. Л. 1–19)

// л. 1. Судить о чём-нибудь нужно соответственно времени, месту... Не осуждайте эту тетрадь!²

// л. 2.

1877

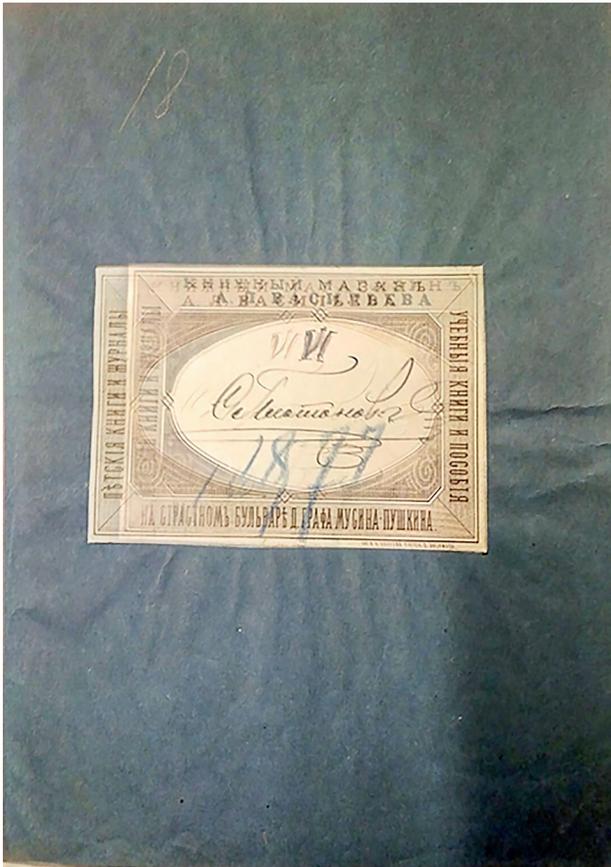
23 июля

Этот отдел дневника не для Петербурга, это московский отдел. Никто его не увидит здесь. Ведь счастье другого, а не своё, материалистов не трогает, не занимает. А здесь материализм положительный. Он не ладит с моей душой, которая может жить для другого, для ближних, кото-

² Первый лист вырезан. Этот текст написан на узкой полоске по вертикали.

рая не ставит ум выше души, прозу выше поэзии. Да, я опоздал родиться на полвека, как и немногие другие идеалисты и идеалистки.

Не понимаю, к[а]к может уживаться идеализм с подлостью, что бывает в нашем веке часто. Примета нашего модного молодого поколения безверие в других и в себя, сухота, материализм, что равно сродни эгоизму. И всё это большей частью напускное, поддельное, исходящее не из природы людей, а искусственного способа их мышления. Душа, ум даны природой, Богом. Молодёжь пользуется одним даром — умом, // л. 2 об. душу коверкает или оставляет в стороне, живёт одной половиной своей высшей природе и довольны... Я же живу и тем, и другим — и я ретроград, отсталый.



ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 1. Д. 1216. Л. 1

Ставлю себя слишком высоко, чтобы оправдаться перед современностью. Это не оправдание. Лучшая способность человека находить счастье в себе. Она у меня есть, и я не завидую новизне, не жалею, что у меня нет средств следовать за модой. Правда, что большинство против моих убеждений, но есть и меньшинство: это лучшие люди, дело делающие, а не бездействующие в силу своих убеждений. Это лето натолкнуло меня на таких людей... Стыдитесь, мужчины, — это женщины. Для моих друзей это не тайна, что у меня друг — женщина, но ни один из них не вслушался в это, ни один не спросил хорошенько, в силу чего мы сошлись. И слава Богу! Один Грамматиками, человек посторонний, которому я в жару разговора сказал, что // л. 3 верю в женщин, в их дружбу и в их благотворное желанье влияние на нас, грубых тварей, один он пожал мне руку и спросил: «Вы испытали это влияние? У вас женщина друг?» Это пожатие на утвердительный вопрос ответ меня обрадовало.

Латкин сказал мне: «Берегись, Серёжа, она обдует тебя. Все женщины одинаковы — поверь мне». «Обдует, да не она!» — ответил я. Да, ни та, ни другая меня не обдуют, не уничтожат во мне душу и сердце, которые принадлежат мне, и всецело может быть... Я в них не влюблён, но я лю-

блю их, и этого сказать не побоюсь, знаю, что не раскаюсь. Я верю, а с верой жизнь сладка.

Ну, кто же счастливый? Я или Латкин? В меня не влюбилась пока ни одна женщина, я дурён, остроумием не отличаюсь, не дамский кавалер, одним словом, на себя внимания не обращаю. Он красивый, грациозный человек, которого очень легко можно заметить среди // л. 3 об. десятка других. Я счастлив, меня любят, как человека, мужчины и, как человека, женщины (не все, конечно, и немного), я не глуп, но умом не блещу (меня даже один счёл за идиота, а я его за прощальгу, и я прав). Я могу быть другом, полон веры в жизнь, в свои силы, в людей. Он — игрушка девчонки, на которую я могу внимания не обращать; он лишился веры в женщин, он болен глазом; телом и духом, значит. Не завидуй красоте, физические преимущества не дают прочного счастья. Во мне зависти нет. Завидное качество.

Вчера я получил письмо от моего милого дорогого друга или лучше друзей¹. Сколько счастья, радости для меня! Это продолжение единственной в моей жизни счастливой эпохи. За эти две недели, за повторение их целую жизнь! Снова на минуту жил свежеею памятью о бывшем, говорил с друзьями, которых я люблю всей душой. Славные минуты. Е. Н.² говорит, что заметила, что я ещё её не собираюсь // л. 4 забывать. Как я могу забыть ту, которая вдохнула в меня жизнь новую, которая в две недели выгнала из меня много, почти всё зло, которое накопилось во мне в 17 лет моей жизни. Я чист и живу, вновь доступен всему прекрасному, чистому. Она не выгоняла во мне остатков моей детской любви, её истребила собою С. Ю.³ и я её благодарю всей душой. Но я в неё не влюблён и укоров совести не чувствую. Моё чувство к ней — тихая, сильная симпатия. И её мне не забыть, не забыть её сочувствия, с которым она терпеливо слушала мою досаду на свет Божий, на общество и «барышень» (слово ругательное). Она мне даёт третий экзамен. Первый был роза, второй, если не ошибаюсь, веер, а третий — скромность мыслей и тайна. Ничего не думаю, ничего не скажу, экзамен выдержи, пусть не беспокоится.

¹ О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент. В. В. Митрофанова) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 123–124.

² Здесь и далее Евгения Николаевна Калайлович (в замужестве Беркут).

³ Софья Юрьевна Миткова, сестра по матери Е. Н.

«Он мне не доверяет!» Ведь это удивительно. Она, безусловно, хорошая, симпатичная девушка, принадлежит к двум // л. 4 об. девушкам, которых только я и люблю на белом свете. Кто же виноват, что её сестра обладает талисманом, который всех заставляет доверяться ей. Симпатичностью лица она сестре не уступает, душа у неё такая же добрая, идеальная даже. Право, я мучусь её сомнениями, страдаю за неё, но я боролся тогда сам с собою и к несчастью спас себя. Никогда я ничего в такт не делал, к сожалению.

«Entre deux roses mon coeur se repose...»¹ Неужели! Что это такое? Никаких догадок, кроме одной глупой, которой не смею верить (Ну это, правда, не доказывает, что догадка глупа). Тут мой захваленный ум спасовал. Этой догадки, ровно, как и одной мысли, сам дьявол не заставит меня сказать и написать... А, говорят, где чёрт не сможет, пошлёт женщину... Неужели я не удержусь перед Е. Н. или С. Ю.?

Неужели у меня есть ревность. Это для меня новость. Я немного поревновал // л. 5 вчера. А ревность — бесконечно эгоистическое чувство. Чёрт возьми! Стыдно мне, что я ревновал и кого же? Не любовницу, а друга...

Ох, какой я оратор сделался? К[а]к я громил наше поколение в Лесном! Боже ты мой! Громить и нужно, только нужно выступить принародно, а не показывать кукиш из кармана. Дайте срок, зимой и выступим, и на словах, и в журнале. Журнал обратит на нас злость общества, ничего. Посыпятся насмешки, что хуже всего, отобьёмся карикатурами; выйдет запрещение, ничего — будет тайный журнал.

Вспомнил, к[а]к часто говорили мы теперь глазами с С. Н. За ней таких мук не водилось; зимой начну говорить с ней человеческим языком. Стоит заронить в неё одну искру — и она не барышня, а девушка. Мамёнке ущерб, нашей партии победа важная. Глаза говорят тёмными намёками, в искорке, перебегающей из глаз в глаза, заключается таинственная сближающая сила, взглянем и уже есть // л. 5 об. свой секрет, значение которого ближним не передаётся. Я чувствую теперь себя ближе к С. Н., чем когда-нибудь. Она да Л. П. единственные занимающие меня барышни у нас.

Какая высокая способность бывает у иных валить всю вину на себя... У меня её нет, по-моему, она лишняя и очень легко, не зная, можно ошибиться. Больше ни слова. Я верю, но не виню; нечаянно написал я стихи, которые тут у места.

¹ Между двумя розами моё сердце покоится — с фр.

Меня Латкин хитрым не считает. Имеет причины. Хитростью я не пользуюсь, давлею её иногда, союзников хороших не выбираю. Себя он считает идеалом хитрости. Платонов не во многом ему уступает. Он может хитрить и обдул многих, которые покушались на него, разгадывал хитрости, но молчал о них. Щадя самолюбие обдутых и первому другу не скажет ничего о своих хитростях. Он ненавидит хитрости и его политика ко злу никогда не вела. Платонов хитростью не злоупотребляет.

// л. 6 Дружба наша с Латк[иним] — дружба XIX века, а дружба с Е. Н. нет. Кто же мой первый друг? Этого угадать не трудно.

Чрез 2 часа

В эти дни для меня нет больше удовольствия, к[а]к перечитывать дорогие письма. «Это сон, думаю я: «неужели же я действительно хороший человек?». А верить приходится, и я верю и в моих новых друзей, и в самого себя, и в жизнь.

И верится, и плачется,

И так легко, легко!

Много лживых пословиц. Вот одна из них: «старый друг лучше новых двух». Каким застою пахнет от неё...

Неужели я дорож Е. Н. — не и С. Ю-не?...

Правда ли всё то, что они пишут в письмах? Счастье так велико, что не верится наружно. Внутренне, признаться, я давно поверил, поверил в первый раз, к[а]к увидел их. Если б не верил, не откровенничал и не расстался бы я так с Хариным, не сидел бы 6 часов на одном месте, уставя глаза в угол вагона, // л. 6 об. не слыша, не видя, не чувствуя, без мысли. Я не думал тогда ни о чём. Одна несознаваемая тяжесть тупо давила меня. Одно слово «минувшее» виделось мне на всех предметах... И как трудно держать всё это в себе, без исхода, как было трудно дома притворяться, чтоб не подумали по растерянному виду Бог знает чего. Как трудно было покоряться силе обстоятельств, с которыми я пробовал бороться, чтоб остаться лишнюю неделю в Москве, чтоб увидеть ещё раз женщину-друга, вдохнувшего в меня так много хорошего и чистого. И всё я вынес, счастье выплыло, а счастливые эгоисты и мне ни до чего не было дела, кроме счастья.

Но я идеалист, от колыбели идеалист, и к[а]к мне больно смотреть на гибельную склонность к материализму Латкина. Становясь материалистом, он приближается к животному, отрицает жизнь духа; его девиз — работать и глупостя-

ми (т. е. душою) не заниматься. Но он не человек дела, а человек страсти. Пробовал выводить его // л. 7 из заблуждения, но не такой он человек, чтобы слушать. Видит Бог, я люблю его, к[а]к никого из товарищей, но не под силу мне читать его дневник и быть с ним; увещания не помогут, а видеть гибнущего человека без возможности спасти его мне тяжело. Мы расходимся с ним в самых святых убеждениях, а с Е. Н. сходимся почти во всё, кажется, я её не знаю ещё, к[а]к Латкина. Логично, на чьей стороне перевес. Не кину я Латкина ради того именно, что рано или поздно ему необходим будет любящий человек, утешитель, может быть. Но вместе с тем сознаю, что я, к[а]к друг, на втором плане у него во время этого припадка горя и кучи несчастий. Негодная болезнь глаза — достаточно для того, чтоб быть несчастливym. И он несчастлив; я же совершенно счастлив. Что за противоречие такое, посланное судьбой!? Боже, спаси Ты его, к[а]к один всемогущий!... Есть человек всемогущий в этом отношении — это Е. Н. Хоть бы неделю побыть ему с ней!..

// л. 7 об. Куда стремятся наши молодые силы? На добро, на дело, конечно! Никак? Все хотят делать что-то, витают в эмпиреях, несут иногда чепуху, и кончается тем, что все они бросают дело, не начав его. Опять стыдно нам, мужчинам, пред работой нашей, женщиной. Смотрите: без фраз, без крика делает она дело, благое дело, сознательно положив в него душу. Она учит детей, делает краеугольным камнем доброго дела, а не крышкой его. Я с уважением преклоняюсь пред нею, просветительницею простого народа. Горжусь, что эта женщина — мой друг.

Встречает она мальчишку, раздосадованного недостатками его дружка, напускающего на себя холодность и опытность, она остановится пред ним. Другая бы выслушала, расхохоталась и послала бы его играть в лошадки. Она словом своим освободила его от фраз и грязи и сделала из него человека. Вот дело, вот добро! Я рад, что эта женщина мой друг.

// л. 8

24 июля

Шаг за Рубикон сделан. Кто виноват в этом? Никто, говорю положительно. Я собой не повелеваю, чтобы оставаться таким, как был прежде. Странно, что у отчаянного идеалиста был бы первым другом чёрствый самонадеянный эгоист. Это не в природе вещей. Говорю ещё раз, очень люблю по старой памяти Латкина, к[а]к человека

недюжинного, одарённого щедро природой, пылкого, страстного, готов в трудную минуту явиться с утешением к нему, (и явился¹) но не могу я сносить его заблуждений, его коверкания, комедий, игры в материализм, без того, чтобы не искать другой, чистой дружбы. И я нашёл её. Но я не уйду от Васи, не хочу бросать его одного. Он меня любит, и я его тоже, люблю больше всех мужчин, но отдаю предпочтение женщине. Он — фразёр, рисуется немного, хотя действительно не страдал. Его дневник — это ужасы, я и читать его не стану более. И досадно, и больно.

// л. 8 об. Не вините же себя хоть в этом, дорогая Е. Н.! Не вы причиной вышеописанного, причина его сам Латкин. Он заигрался и не останавливается вовремя. А я не хочу против своих святых убеждений соглашаться с ним. Я отстаю, ведь я отсталый.

Идеалисты в силу своих убеждений умнее материалистов. Есть, конечно, quasi² идеалисты, идеализм которых заключается в луне и т. п., воззрения их синтентальщина. Это не наши.

Кстати, что за деления друзей на первые, вторые и т. д.? Если друг, так друг. Говорю только, что у меня есть друзья: одни, с которыми я схожусь более по складу, другие, с которыми по развитию, а кто первый, знает один Бог.

С-в терпит наказание в лице М. В. История плачевная. М. В. любовник его матери и командует над ним, а он ясно видит положение дела и // л. 9 должен терпеть. Жаль мне его.

Кто прочтёт этот дневник, пожалуй, удивится моей двуличности. У меня два дневника. Если я хочу писать правду, то должен её скрывать здесь. Правда идеалиста коробит других, не его партия. Пишу же я чистую правду, всю душу кладу в эту тетрадь, потому что её не скоро прочтут, тогда, когда всё уляжется и я переживу и помирюсь с разногласием Латкина, которого всё же люблю, люблю и люблю, как не могу любить мужчину. Но женщина..., как же мне не верить теперь в женщин после этого лета. Это было бы преступление. Тот может быть уверен в женщине, кто их знает. А я знаю Е. Н., С. Ю. и Л. П. — с меня достаточно.

Перечёл я эту тетрадь. Вот она может служить доказательством, как я страдаю за Латкина и к[а]к его люблю.

// л. 9 об. Ему во век не видать этих строк: значит, притворяться здесь перед ним нечего. Пусть

¹ Слово в скобках написано сверху строки карандашом.

² Как (с лат.).

читает тот дневник. Одно меня мучит — зачем он притворяется?

Когда же я оставлю в покое милые письма? Сегодня буду их читать, наверно, завтра и т. д., и т. д. до следующих. Они — мои утешители, ими я живу. Когда же увидимся мы, друзья? Может Зимой?... Или через год? Или стариками, или совсем не увидимся?.. Неизвестность — тяжкое чувство. А я хотел бы и не расставаться.

4 часа, 24-го

Что написано пером, того не вырубишь топором... Зачем пишу про Латкина: чувств моих к нему не передать. Я его люблю, он первый мой друг из мужчин, чего же ещё ему больше и чего я распинаясь, выясняя свои мысли о нём. Говорить с ним могу совершенно откровенно, верю ему, но... чего-то //л. 10 недостаёт между нами с этой весны, с его дневника. Бог с ним!

Я не желаю тормозить себя им и не жить самому. Уделяя для него значительную, даже весьма, часто своих симпатий и жалости (если б он прочёл это слово!), я помню, однако, что мои симпатии принадлежат ещё другим и... самому себе.

С тех пор, как я встретил на своём пути Е. Н. и С. Ю., я переменялся. Чувства правды, добра, чувство прекрасного обновилось во мне. Я занят втихомолку самоисправлением, изгнанием создаваемых зол; а их у меня достаточно. Стремлюсь я к гуманности, к образованию. Чувствую, что некоторые мелкие слабости исчезли во мне. Последний остаток первого моего врага — зависти — изгнан.

С удовольствием вижу это. Чувствую всю грандиозность заповеди: люби ближнего, к[а]к самого себя.

Но иногда странная мысль приходит ко мне: зачем я умён, зачем я не Болт, не С. Попов? Не видал бы я тогда всех // л. 10 об. гадостей на свете; зачем чувство добра существует во мне, и я доступен влиянию общества, и мучусь иногда за чужие гадости или чужие несчастья? Эта мысль глупа, дурна, всё, что хотите. Но она есть. Должно быть, солоно достаётся мне от окружающего и нервы мои слабы.

Назовите же мне моё состояние, обуславливаемое обществом! Что это? Разочарование, досада, злость? Или что-то другое, для которого я не найду слова. До болезни я не был один, у меня был друг, и я его не понимал; после болезни до июля я был один в свете, товарища моим убеждениям не было; с июля я не один, за меня Е. Н. и, кажется С. Ю., но общество продолжает меня давить

своею бессодержательностью или грязью. А как я желаю добра! Где же ещё найти людей моего лагеря, умных, наконец, людей?!

Говоря о С. Ю., я сказал «кажется». Что это она рассказывает про себя?! Она эгоистка?! Скорее я сделаюсь материалистом, // л. 11 чем она эгоисткой. Не дай же Бог мне разочароваться в этом алмазном камешке, к[а]к в Латкине! Ох, молодое поколение!

— Его грядущее иль пусто, иль темно.

Прав Лермонтов! Прав он, мы иссушили ум наш.

Тая завистливо от ближних и друзей.

Надежды лучшие, и голос благородный

Неверием осмеянных страстей...

Что ни слово, то правда!

А к[а]к верно относится к Васе четвёртый куплет: «Мечты поэзии» и т. д. Да, люблю я Лермонтова за правду.

Никто, слава Богу, не замечает во мне внутренней работы. Нет расспросов. Только в Лесном Латкин, кажется, удивился моему скорбно-му-утешению, красноречию, моим религиозным утешениям, косвенно направленных в его сторону. И не понял. А ещё считает себя умнейшим, дальновиднейшим человеком. Удивился он мне, кажется, нашёл перемены, заметил, что я умнее, чем кажусь. А мне что за дело?

// л. 11 об.

7 ½ [вечера], 24-го

Сегодня третий раз пишу. Всё это время мечтал, если хотите. Мечтал я о Евг. Н. и С. Ю., об их письмах; мечтал о себе, радовался, что меня полюбили (не влюбились!) две девушки, что они нашли меня не нехорошим человеком; мечтал о предстоящей новой жизни, решил учиться, чтоб не отставать от Е. Н., учиться и в гимназии, и сам на свободе, куда есть время. Что-то новое, лёгкое у меня на душе, мне хорошо как-то, как будто бы я выздоровел от чего-то. И предо мною стоят теперь мысленно «маркиза» и «камышек» в его частой позе: на лице грустная дума, глаза опущены, их не видно, одна рука лежит на другой. Если б я рисовал, срисовал бы С. Ю. в этой позе. Сокрушительная поза! Хочется сказать ей:

И веришь ты свято без меры

И в Бога, и в род весь людской,

В тебе нет одной только веры:

В себя ты не веришь порой.

Да простит мне С. Ю. эти стихи: я говорю ты. Оправдываюсь: говорил не я, харинский // л. 12 знакомец, а поэт.

Они говорят: пишите. Добрый совет, и я ему буду следовать. Это не грех и не преступление — писать. Я и прежде писал, несмотря на несочувствие друзей, хотя и скрытое. Теперь же пишу уверенно, помня харинские заветы и слова Пушкина: «поэт, ты сам свой суд!»¹ Но всё же я поэтом себя не считаю особенным — не знаюсь. Этого у меня нет, хотя есть способность писать, а у других её нет.

В этом дневнике всё чистая правда, пишу его не для друзей — умных людей (каковыми называют себя мои петербургские друзья), которые требуют рамок и осуждают дневник, иногда смеются над ним и не верят ему. Я пишу для других друзей, которые ловят не фразы, а мысль и чувство, понимают его. Над дневником Латкина я не глумился, над этим модным собранием фраз, которые в печати имели бы успех, но не есть выражение его души, полной противоречий. Я не смеялся над ним и его чувством, он смеётся над ним и его чувством, он смеётся надо мной, когда // л. 12 об. другие видят в осмеянном чувстве свою долю правды, присутствие души. За насмешки я не мщу, а он думает, что я его боюсь — ну, и пусть думает, от него чувство скрыто, ему доступен только ум мой — и мы друзья — умные люди. Сам виноват. Мы такие друзья: по договору, о чём нельзя, мы не болтаем другим, я его поверенный, он мой, потому что нужно же ему и мне иметь поверенных; мы нравимся друг другу. Вот и вся наша дружба, дружба XIX века. По всей вероятности, в силу привычки, она ещё долго будет продолжаться. Таким-то друзьям показывать московские письма!

Я всё же я Латкина очень люблю. Вот и поймите меня, что я за человек.

Что-то мы напишем, когда всё поуляжется? Латкин, Латкин! Каков ты был и каков ты стал! Я в тебе люблю прежнего Латкина, милого, честного человека, а не грязного материалиста, помещанного на «уме». Ум везде, в дружбе ум, в чувстве ум... Стыдно! Где же сфера души, сердца? // л. 13 Петя Рубцов — славный малый, честный, добрый идеалист, но под башмаком Латкина. Вот деревянный баран на колёсах! Латкину нужна власть, надо мной он её не получит. Может гнуть в бараний рог Рубцова, Круковских, но я люблю свободу больше Латкина. «Говорите, что говорится, поверяйте, что поверяется!» Вот свобода! Я не знаю почти ничего о моём друге, но пусть не поверят или не поверяется. Я верю и без того.

¹ В стихотворении А. С. Пушкина «Поэт» эта фраза изложена так: «Ты сам свой высший суд».

25 июля 7 ½ ч. утра

Я вчера и 23-го сказал много такого, чего не следовало говорить. Увлёкся! Что же мне делать!

Я не люблю над сердцем власти

Господства разума в душе.

Постараюсь меньше писать о Латкине и тщательно скрывать эту тетрадь: здесь мои страдания, а он страданий такого сорта знать не должен. К тому же он везде хочет быть первым и на неудачу разозлится. Я же бросать его не хочу.

// л. 13 об.

30 июля

Тяжким гнётом лежало на моей душе то, что я проговорился о Е. Н., кто она, какова она. Не мог совладать я с собою. Беда, когда совесть не спокойна. Думал, думал, не хотелось быть тайно виновным перед моей руководительницей — я написал ей: виноват, прошу прощения. Успокоился, так мне стало легко... Но что если не простят?! Новая мука. Не простят, буду вечно страдать, кажется, и, наверно, с горя ударюсь в разврат, погибну навек или нет, не знаю, но погибну. Это ясно, к[а]к $2 \times 2 = 4$. Потерять всё, что было светлым (и светлым доступным) в жизни, это ужасно. Надеждой на другое светлое я жить не был бы в состоянии: надежд мне мало. Ах, если б я мог воротить слово! Жил бы да жил, а теперь?...

Что у меня за жалкая такая натура стала после болезни. Мучиться, мучиться — и всё тут. Мягко, к[а]к воск; всякое остриё легко с болью впивается в душу и вынуть его я не в состоянии. Нервный человек! Прежде // л. 14 я хотел почему-то таким быть, а теперь нет, трудненько приходится иногда.

Что я был и что стал!...

А всё-таки к лучшему переменялся.

3 августа, веч[ер]

Сегодня получил третье письмо из Симонова². К[а]к я на него бросился! Я ждал прощенья, ведь я узнал Е. Н., но вместе с тем что-то тяжёлое лежало на мне. Я не был уверен всё-таки в хорошем исходе дела, и много раз мелькала у меня мысль... нет, ничего не мелькало. Я дурак набитый... Впрочем, чего скрываться, я хотел купить револьвер. Другое дело, решился бы я кончить

² О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент. В. В. Митрофанова) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 126–128.

с собой, но мысль была. Думаешь, из-за первого промаха бить себя — глупо. И правда, жизнь моя не мне одному принадлежит. В случае конца — я убью отца, наверно, мать состарю... и Е. Н. чувствовала бы угрызенье совести, хотя и совершенно неосновательное: ведь я один виноват. Говорю совершенно искренно. Дело в том, // л. 14 об., что я слаб характером и что только слова Е. Н. держат меня на ногах. Это — костыли, слава Богу, надёжные, без которых я не мог бы ходить. Вот почему я идеализирую её: она для меня, кроме друга, движущая сила, которая сообщает мне, конечно, инерцию, но не всегда по физическим законам. «Вы видели во мне одну хорошую сторону»¹, — пишет она мне. А она сама? Я представился ей в этой штуке в дурном свете, будучи уже маркизом, другом...

Что я замечаю в себе! Гордость! Я не дорожу теперь более, чем прежде, ничьим мнением о себе, кроме моих друзей, да тех, кого я уважаю. Вася не может понять, почему я не беспокоюсь сплетнями Сидорова. Всё поэтому. Мне всё равно. Я знаю, что с первого взгляда я не симпатичен и что мало меня знающие сейчас же ему поверят. Мне всё равно, пускай. Это «пускай» выводит Васю из себя. «Что за приятность быть обруганным», — говорит он. Не знаю, но я не заботился бы о Сидорове, // л. 15 если б у меня союзников не было. Но я работаю за союзников. А они все глупы. Хорошо положение!

Меня прежде занимал вопрос — могу ли я нравиться «барышням». Могу своим злоязычием, которое они любят и которым я иногда занимался. Мефистофелей любят: они заманчивы, а ума у меня хватало бранить. Но эта слава теперь меня не манит, ведь пошло ругаться. Вопрос — о чём говорить с теми, кто не любит серьёзного, напр[имер], В. Б. Шведер etc. etc.? Меня называли барышни «самым говоруном», потому что бранился. Теперь дураком не зовут, бранить вряд ли буду. «Сокрушать» их сумел бы, но это не в моих убеждениях навязывать то, чему сам не веришь! Выводить из субординации и чинопочитания их не хочу. Им всё это нужно. Они вороны, павами же от развития не сделаются...

Как хорошо мне теперь, когда избавился от детских вздоров по С. Н. Она стала мне просто напросто не противна, потому что она девушка умная, с железным характером, // л. 15 об., чего же ещё нужно? Причин к антипатии нет, к любви исчезли. Если б все были таковы, я бы женщин

¹ О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы... С. 126.

ставил очень высоко; но половина их — пустота. Тут волей-неволей скажешь, смотря: чтоб чёрт побрал разных Борк, Поповых, Болтов и Круковских! О, пустота, пустота! Как ты привлекательна и как мы, Рудины да Райские², глупы, что наше содержание в нас и сидит, загнанное внутрь пустотой. Боюсь, не быть бы мне Рудиным в жизни или Буеракиным (Щедрин)³... К[а]к иногда симпатичны стихи Лермонтова! За что же меня бранят, что я его люблю, за что, когда это узнают, смотрят на меня косо..., иногда с иронией.

7 авг[уста], день

Получил я вчера такое хорошее письмо от Е. Н.⁴, моей посестримы, такое хорошее, тёплое, что... прослезился вечером. Видишь кругом ненависть, зло и между этим услышишь доброе, хорошее слово, обнадеживающее и укрепляющее на ту // л. 16 глупую борьбу, которую приходится поневоле вести, которая против моих симпатий и моих святых убеждений. Трудно мне приходится минутами, хотя я и молчу перед людьми. Неужели же на свете всегда или очень часто так подло, к[а]к, напр[имер], теперь у нас?!... Если так, то жить с моим характером не стоит: жизнь будет вечным источником страданий, а будущее... скорее бы оно наступило, что ли! Что-то трудно и если в 17 лет так скверно, что же может быть в 35–40? У меня мучения Тантала⁵. Борьбу можно выиграть только беззастенчивой подлостью, а я этого не могу. Удивительно, я стал честен! Стоит захотеть и победа возможна, но захотеть-то мне трудно, невозможно теперь.

Неужели часто так бывает, что порядочное мнение о человеке, составившееся уже давно, может рухнуть в миг перед клеветой? Скверно! Неужели придётся жить век свой в постоянной грязи, грязи и грязи? Видеть грязь, сносить и не мочь // л. 16 об. истребить её?! Неужели же на свете больше и не найдётся хороших людей, кроме трёх-четырёх, которых я знаю? Не в моём обычае роптать. Так и теперь говорю совершенно искренно: «да будет воля Твоя, помоги Ты мне!»

² Литературные герои: первый из романа И. С. Тургенева «Рудин», второй из романа И. А. Гончарова «Обломов».

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. Талантливые натуры. Владимир Константинович Буеракин // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худ. лит., 1965. Т. 2. С. 299.

⁴ О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы... С. 128–130.

⁵ Тantal — в древнегреческой мифологии царь Сипил во Фригии, обречённый на вечные муки.

Каким я бы подлецом сделался теперь, если б не знал, что есть на свете хорошие люди, которые знают меня, у которых я могу отдохнуть от дрязг. Когда настанет будущее лето!

Но придёт же и час мести с моей стороны за всё, что я не перенёс! Но вот вопрос: воспользуюсь ли я мнением, когда я не умею мстить! Когда я торжествую, я не мщу, я доволен сознанием победы. Но мстить нужно. Платы добром за зло люди не поймут, раз это было, и я плачусь за это теперь... Нет, ничего, не буду мстить; они не оценят. Он оценит. На что же у меня не мстительная душа? Наверно не для того, чтоб мстить. Я могу сказать только: чёрт с ними. // л. 17 и говорю это. Скажу ещё... нет, зачем обвинять!

Покажи этот дневник людям — не поверят, скажут: хитёр, бестия! К[а]к притворяется!... Хорош же свет!

9 авг[уста], день

Да сперва, но потом заключил позорный мир. С-в победил! Дело вряд ли поправило. У меня нет иных средств противостоять ему, кроме моего «честного слова» и клятв, которым здесь не поверяет. Я в их глазах подлец, каких нет... Подлец! Обесчещенный!... А я-то ещё свято верил в них, думал, что у них есть свои глаза, а не глаза подлеца.

Чёрт знает, что делается иногда на божьем свете. Роптать... Я не создан для этого... Хитрить, быть подлецом... тоже. Не создан... Есть какая-то не переступаемая черта, которая отделяет меня от всякой подлости. Вот, сейчас сподличаю, думаешь. Нет, что-то оттолкнёт...

Мне в этой истории остаётся физическая // л. 17 об. сила. Не воспользоваться ли?..

А ведь скверно видеть, когда честный человек безвинно терпит от подлеца... Ничего. Жизнь велика. Будет и счастье. Да оно и есть. На что же у меня посестрима..., а может быть и две?.. «Надеюсь, что мы будем друзьями», стоит в записочке. И я надеюсь, что же мешают?

Теперь вопрос: что же я за человек? Одни считают меня подлецом, другие — хорошим человеком. Я сам тоже считаю первых — дрянью, вторых — хорошими людьми.

Квиты. Неужели хороших людей между молодёжью у меня только пятеро? Только, только, только. В 17 лет знать только 5 хороших людей! А остальных считать дребеденью! Что же будет в 27 лет! Верно не увеличится.

А какое у меня доверие к людям несмотря на то, что я жестоко разочаровался в большинстве! Всех хочется любить, добро делать. С таким характе-

ром часто дураком у других будешь, // л. 18 зато у себя — хорошим будет. Опоздал я на полвека родиться, теперь я чужой здесь... такой дурак, даже Сидорова теперь не ненавижу! Гнущся перед ним — ни за что! Но я его прощаю, теперь я имею право это сказать, и этим я счастлив, счастлив. Кто из «детей века» поймёт меня, хотел бы я знать.

Вчера Борк тоже осмелилась поднять на меня руку. Кому бы другому, да не ей! Я на неё смотрю очень холодно и теперь, и всегда буду. Не ненавижу, не презираю, но всё же назову её пакостью, другого не заслуживает. Но чтобы мстить ей — нет, я горд для этого. До неё не унижусь.

14 авг[уста] [18]77 г.

Боже мой! Какое-то несчастье настигло моих московских близких. Что за судьба! Как будто бы она мстит за те светлые минуты, я пережил это лето. Неужели же вся жизнь пройдёт в минутах счастья и // л. 18 об. часах горя?! Горе, горе и горе! Как не смейтесь Вы, приятели, надо мной, а всё ж я знаю горе. Моё горе для меня — нуль, но горе посестрим для меня много значит. Я знаю себя, потому и не горюю о себе. Кто может быть счастлив сам в себе, тот не тяготится особо каким-нибудь горем, какой-нибудь неприятностью, собственно для себя... Но, а горе близких? Тут ничем не поможешь. А что же случилось? Вот вопрос, мучающий меня теперь. Я узнаю, но... поздно... Зачем я не в Москве!...

Зима для меня интересное слово. Увижу ли посестрим (я не смею так говорить) ... С. Ю.? Если увижу, я не боюсь «зимы»; но если нет. Я один. Да, чувствовал я, что [18]77 г. для меня будет замечателен. Хорош он. Она — первый год жизни, первый год юношества, как 1874 г. — первый год отрочества. Отрочество моё глупо было, юность — содержательна, судя по началу. Слава Богу, я не совсем «дитя века», слава Богу, во мне есть то, что люди зовут умом, слава Богу, во мне есть то, что зовут душою!

// л. 19 Тетрадь эта есть свидетельство моего замешательства при переходе нечистого и хорошего общества в дурное.

Какова пертурбация! Какая ерундистика была в моей душе. Какая смесь неясных стремлений к лучшему, разочарований, надежд, идеализации.

Неоправившиеся нервы работали сильно. Зима [18]78.

Горе мучило и радость мучила. Зима [18]78¹.

¹ Текст на этой странице написан карандашом.

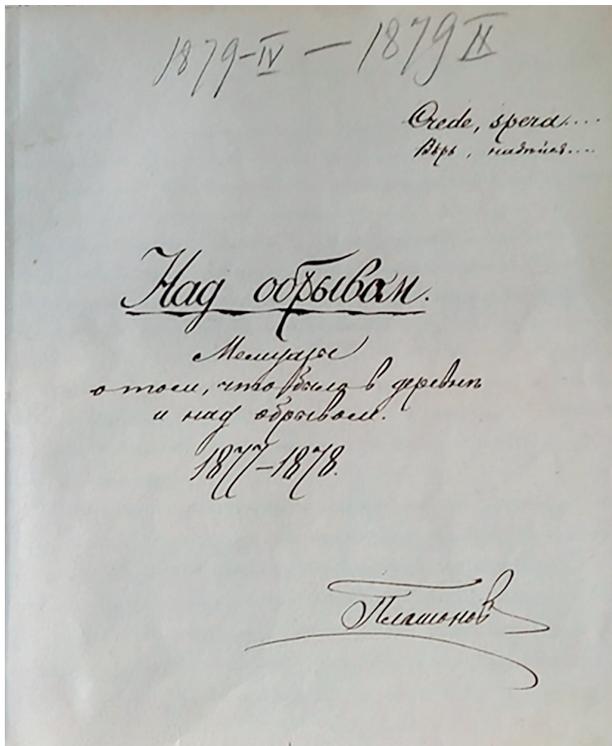
С. Ф. Платонов

«Над обрывом: мемуары о том, что было в деревне и над обрывом (1877–1878)».

Воспоминания. 1879 г. апрель—сентябрь.

(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1225. Л. 1–10)



ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1225. Л. 1

// л. 1. Карандашные пометы: 1879-IV — 1879 — IX

Grede, spera...
Верь, надейся...Над обрывомМемуары
о том, что было в деревне
и над обрывом
1877–1878

Платонов

// л. 2

Вторник 17-го апреля [18]79 г.: день

Я принимаю за труд, кото[рым] хочу наполнить весь мой досуг и для к[оторого] буду урывать время, необходимое для занятий. Из этого видно, что я придаю этому труду значение не пустой игрушки.

Цель этого сочинения — уяснить себе и изложить последовательно события моей жизни с июня [18]77 г. до сих пор; точнее сказать, я хочу написать историю моих отношений к одной женщине, которая имела и теперь имеет большое на меня влияние. Отношения эти не развивались спокойно, но в них появились такие вводные эле-

менты, к[оторые] нарушили их спокойный ход. И это-то делает всю историю более достойною подробного описания.

Цель, к[ото]рую я преследую тем, что пишу теперь — чисто личная. Мне хочется вылить всю душу, хоть на бумаге, хочется высказаться. Я не высказывался никому уже год. Это много для моих лет (мне 18 лет). Выскажусь бумаге, а людям или не в состоянии, или не в праве высказываться. Эту тетрадь прочтёт или она, Е. Н., или тот, кто безраздельно завладеет моею душою. Может // л. 2 об. быть, действительно, явится такой человек, к[ото]рый подействует на меня сильнее, чем действует Е. Н., к[ото]рый сумеет заставить меня преступить тот обет молчания, что я наложил на себя частью добровольно, частью благодаря требованиям других. Но это мудрено.

Мысль поверить всё этой тетради зрела во мне месяц. Особенно настоятельно сказалась эта необходимость недавно. Ехал я на ялике¹ через Неву из университета. Вместе со мной сидела целая семья: мать и три дочери, из них одна уже взрослая девушка. Симпатично было её лицо; она не красавица, но черты её чисто русского типа были связаны одним хорошим выражением, говорившим и про ум, и про психическую развитость этой девушки. Этот тип русских девушек составляет наше «отличие от Европы» в хорошую сторону... Погода была бурная, лодку буквально заливало. Мы все были мокры. Грести было трудно, и мы ехали долго. И вот между нами завязался разговор, в сущности, ничего не значащий, пустой и к тому же не связанный, прерываемый часто. Переплыв реку, мы расстались, разумеется, навсегда. Но этот случай навёл меня на долгие размышления.

// л. 3. Чувство, заглушённое в последнее время, поднялось и заговорило. Я думал: вот столкнулись два индивидуальных психологических мира, оказали некоторое взаимное воздействие и, может быть, с обеих сторон было желание продолжить это воздействие, но оно не осуществилось, это желание. Помешали, с одной стороны, обще-

¹ Ял (часто называют «яликом») — лёгкая парусная лодка (швертбот) или транцевая гребная, а также гребно-парусная корабельная шлюпка с вальковыми вёслами.

ственные традиции, с другой, что ещё печальней, боязнь обнаружить свой внутренний мир и подвергнуться столь обычному в наше время посмеянию и оскорблению, истекающему не из глупости или неразвитости, а из принципов — порождений нашей доморощенной цивилизации (слава Богу, она с шестидесятых годов, кажется, падает). Эти, если можно сказать, «антипсихические» принципы, падение моего, по-моему, здравого идеализма замечено мною в обществе и бесит меня. На это, или почти на это, сетует и один из лучших на Руси людей — К. Кавелин¹. С этих общих положений мысль моя перешла на мой психический мир... Много думал я, много перечувствовал от описанного уже внешнего толчка, и во мне явилось непреодолимое желание писать.

Повествование своё я начну с весны 1877 года описанием моего духовного состояния в то время.

// л. 3 об.

18 апреля, вечер

В начале [18]77 года я был в седьмом классе гимназии. Товарищи мои все были старше меня, но развитее не было никого; мы все были одинаково незрелы и отличались друг от друга только умом и способностями. Нас было 9. Никакого умственного и нравственного общения не было, а были полные чуши разговоры о гимназическом мире и об иных не менее развивающих предметах, сущность которых я не решаюсь здесь передать. Скверно было. Гимназия не давала ничего действительно развивающего: зубрили латынь, делали задачи, крали из возможных пособий материал для классных сочинений — и только. Кто доволен своей гимназией?...

Но кроме неё, у меня был круг товарищей. В этом круге знали и дружбу, и любовь, и даже взаимность; говорили с «барышнями», вернее с девочками, воображали себя почти взрослыми... А между тем никто из нас не прочёл ни одного серьёзного сочинения, никто из нас не думал. Питались мы русскими романами, преимущественно // л. 4 Тургеневым, да знали Белинского, конечно, не понимая его. На женщин смотрели с «бальной» стороны; я даже не уважал их

¹ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — русский правовед, историк, психолог, социолог и публицист. «Коренное зло европейских обществ, не исключая и нашего, заключается в недостаточном развитии и выработке внутренней, нравственной и душевной стороны людей», — пишет Кавелин.

ни на грош, за других не ручаюсь... Мы были большими мальчишками, никак не более.

Да, во мне не было ни одного сознанного принципа, не было в строгом смысле нравственности. Руководился я или прописными традициями, или чутьём, полученным при чтении хороших романов, или развитой просто по инстинкту силой тех идей нравственности, к[ото]рые нам враждебны, как говорят. Много дурного, много грязного, лучше сказать, терпел я в себе потому, что не сознавал, что это грязь. Теперь я терплю в себе подлости и гадости, потому что я слаб с ними бороться, тогда я не понимал, что нужно бороться с ними. Внутренней психической работы во мне не было. Находила на меня тоска, но я её не понимал, и она никогда не переходила в спешную умственную работу, никогда она не рождала, не вызывала (умственной) ряда вопросов, требующих настоящего решения. Духовные мои интересы заключались в хорошем знании уроков, что делалось // л. 4 об. по привычке с младших классов; были намерения занять видное место в нашем «обществе», блеснуть, поразить. Я не был в ладу с этим «обществом» барышень и это раздражало моё самолюбие.

19 апреля, 7 ¼ часов утра

Тёплый и безоблачный день. Синее небо. Солнце освещает маленький садик, который виден из моего окна. Птичье пение заменяет неугомонный писк воробьёв. Их здесь много. На улице начинается движение. Хорошее утро. Когда-то любовался я утрами в Харине...

Разлад чисто салонного свойства господствовал между мной и моим кружком, и это подстрекало меня на большее и большее совершенствование на пути салонного прогресса. Я учился тем экспериментам, к[ото]рые зовутся кокетством, если их проделывают женщины. Я делался пустоголовым губернским Мефистофелем; словом, оставаясь на прописной морали честным, я опошлялся, во мне не было начал той нравственности, к[ото]рая составляет принадлежность человека с развитой, честной душой.

// л. 5 Чтение романов и Белинского ещё подерживало во мне некоторую содержательность, ещё отличало меня от наших бальных кавалеров, ставило выше их, но не будь того, что случилось со мною, я не ручаюсь, что бы я понял бы прелесть науки и хоть немного развился бы. Я остался бы светской куклой, играющей роль разочарованного господина.

10 ч. 20 мин. утро

Словом, я был мальчишка со всеми пороками нынешнего мальчишества; я ещё не начинал задумываться; я не знал, что значит жить и чувствовать; я был полон салонной чуши... Мне было 16 лет. В марте я заболел брюшным тифом, и этот казус положил конец моему прежнему мировоззрению. Новое что-то зародилось в моей голове, главное, в сердце. Я и тогда был идеалистом.

Помню, я лежал на святой неделе в самом развитии болезни и думал (если больные думают) о том вечере у Л., к[ото]рый занимал нас задолго до Пасхи. Вдруг сразу мне стало безразлично — быть там или нет, тогда как получасом раньше я думал выздороветь к тому вечеру и заботиться о нём. Чувства какого-то //л. 5 об. отчуждения от всего мира, более всего от своего кружка царило явилось во мне. Мне не стало страшно умереть: меня ничто, казалось, не удерживало, не привязывало жить. Самое трудное время болезни прошло, я начал поправляться. Но, странно, я будто бы духовно переродился. Я много мечтал, но эта мечта не касалась моего окружающего; знакомые люди не занимали меня к[а]к прежде. Я отдалился от общества душою, к[а]к был отделён телом. Товарищи часто меня посещали, но они не интересовали меня, к[а]к то было до болезни. Я стал иным, к[а]к будто снова впервые пришёл в мир, вновь знакомился со всеми, а то, что прежде знал, терялось в массе новых мыслей, наблюдений, мечтаний.

Теперь, при воспоминании об этом приходится объяснять это влиянием болезни. Но у меня всегда рождается вопрос: одна ли физическая причина виной этому, одна ли болезнь? Не совпала ли болезнь с переходным состоянием моего духа и не повлияла ли на него? Не знаю. К маю я поправился, в мае стал выходить.

// л. 6

4 июня 1879, утро

Рассказ мой прервали экзамены. Теперь продолжаю, уже будучи студентом II курса. В моём дневнике удалось анализировать моё состояние духа и отыскать причину моего плачевного внутреннего состояния. Я мучусь, пот[ому] что у меня нет почвы под ногами: я человек без принципа, без идеи. Это и должно было случиться, я это не предчувствовал и предсказывал, когда думал о том, что будет со мной после того, как прервётся моё общение с Е. Н., с московским миром, который давал мне идею. Я думал, что я поведу с собою пулей или низко паду. Пуля игра-

ла бы здесь роль, если бы общение прервалось сразу, одним ужасным для меня ударом. Я бы его не вынес, но я его вынес, пот[ому] что удар падал на меня медленно, и я его до днесь не сознавал, хотя и чувствовал, что лишаюсь нравственной почвы...

Und ich habes doch getragen

Aber fragt mich nur nicht: wie?!¹

Я не утверждаю, что общение моё с Е. Н. прервано навсегда. Оно может быть восстановится в полной // л. 6 об. силе и большей красоте. Я готов на все жертвы ради этой хорошей женщины. Никто не может её любить больше меня. Я её слушаю за те дни, единственные в моей жизни для счастья, к[ото]рые я не забуду во век и к[ото]рыми я обязан ей... Год тому назад, летом [18]78 г., мы перестали понимать друг друга. Был виноват я, если только был кто-нибудь виноват. Но нет! Виновато стечение обстоятельств. Однако, продолжаю рассказ.

После моей болезни меня увезли 17-го мая в Москву. 20-го мая с мамашей я отправился к М-вым², к[ото]рых я видел ещё в [18]74 г., в конце, в Петербурге. Дочь г[оспо]жи М[итков]ой С. Ю. оставила с тех пор хорошее о себе воспоминание, и я с удовольствием готов был с ней видиться. Я помнил её девочкой, встретил девушкой. Мне было приятно проболтать с ней несколько часов. Во время обеда я услышал, что старшая сестра С. Ю[рьевны], Е. Н., которая была мне совершенно неизвестна, приехала в этот день из города больною (это было на даче) и потому не вышла к обеду. Она была больна, // л. 7 заразилась трихинами и ещё совершенно не оправилась. Я, правду говоря, индифферентно отнёсся ко всему этому. Я не знал Е. Н. совершенно, но слышал о ней: слухи были неблагоприятны. Стало быть, соболезнованию мало было места... М[итков]ы уезжали в свою Тульскую деревню и непременно звали мамашу и меня приехать погостить. И мать, и я были не прочь от этого. 24-го или 25 мая поехали и в тот же день вечером были уже в деревне, и я с наслаждением вдыхал в себя воздух дорогих русских полей... В деревне были лишь С. Ю. и её мать.

¹ И я все-таки надел

Но только не спрашивайте меня: как.

² Сверху сокращения стоит знак F, а над строкой расшифровка написана карандашом «Митковым». Этот факт указывает на чтение дневника Платоновым много позже, и чтобы со временем не забыть такие расшифровки встречаются в дневниковых записях не раз.

После германо-китайских церемоний, которые царили в л[аткин]ском¹ кругу, более простые и естественные отношения между молодёжью, практикуемые в этом кругу, очаровали меня. Свобода обращения сделала то, что мы много говорили с С. Ю., шутили, спорили... Много рассказов о новой для меня харинской жизни услышал я, много рассказал сам о тех вещах в нашем обществе, к[ото]рые возмущали меня и разговаривали в людях... Я жадно, будто новыми очами, смотрел на мир природы и других людей, я всё более отдалялся от своей // л 7 об. прежней жизни, прежнего мировоззрения. А оно было позорно!... Неделя промчалась быстро: мы гуляли, катались в шарабане, вечера проводили в гостинной в общем разговоре... Чудное то было время, хорошее время! Но это было лишь предвещением памятной эпохи моей жизни, счастливейшей и содержательнейшей... Если когда-нибудь судьба мне пошлёт ещё такие святые минуты, я готов при этом и умереть, пот[ому] что хорошо умереть счастливым. Вслед же за счастливыми минутами идут скверные.

Мне сдаётся, что вслед ликованию,
По закону как будто судьбы,
Появляются злые страдания
И минуты тяжёлой борьбы!

Я это писал 1 ½ года назад и теперь суеверно верю в это... Другого такого счастья не будет: природа повторений не любит, она неизмеримо разнообразна. А будет ли что-нибудь лучше того, не знаю.

31-го мы с мамашей уехали, но с меня было взято обещание приехать непременно другой раз // л. 8 и был назначен день — 10-го июня. При этом я узнал, что приедут 8-го в Харино (так звали деревню) мать М[итков]ой, Е[вгения] Ант[оновна]², и дочь М[итков]ой от первого её брака, Е. Н. К[алайдови]ч — старшая сестра С. Ю.

6 июня, день

Для чего я пишу эту тетрадь? Скажу ли я в ней что-либо новое? Утешу и ободрю ли самого себя? Покажу ли другим свою любовь к некоторым людям или свои «благородные стремления»? Нет, нет и нет! Для чего же в таком случае? Да так, здорово живёшь. В начале я писал: хочу высказаться на бумаге. Да, если хотите так. Но какая польза от этого, не знаю.

То, что я знал о Е. Н. прежде, чем познакомился с ней, не говорило в её пользу, но этим слу-

¹ Расшифровка карандашом сверху строки.

² Селивановская Евгения Антоновна (урожд. Гизетти ди Капоферри) (1816(7)–1896).

хам, как и вообще всяким посторонним рекомендациям, я не придаю веры, не обращаю на них внимания. Я боялся тем не менее встречи с Е. Н. чисто по личным соображениям: ей было тогда 23 года, мне только что минуло 17; я боялся этой разницы, думал, что Е. Н. отнесётся ко мне с пренебрежением, как к малышке, а я был (и теперь есть) мелочно // л. 8 об. самолюбив и горд. Мне больно видеть малейший оттенок пренебрежения или обращения со мной, к[а]к с мальчишкой. Это чувство негодования и оскорблённого самолюбия может быть подчинено только сильной симпатией к человеку, к[ото]рый его возбудил. Таких-то мелких оскорблений я и ожидал, а р[ог]от от Е. Н., зная относительную разницу наших лет. Плодом такого воззрения было следующее: я не торопился ехать в Харино, несмотря на сильное желание, ибо ожидал, что Е. Н. с бабушкой скоро оттуда уедут. Мне почему-то думалось, что они там будут неделю, и я вместо 10-го июня поехал 17-го, на другой день после моего рождения, когда мне исполнилось 17 лет...

17-го июня, 23-го, 24-го, 25-го, 26-го, 28-го, июля 1-го, 2-го, 3-го, какие дорогие, незаменимые, неповоротные дни! С каким-то грустным и вместе милым чувством приступаю я к их описанию. Если судьба мне пошлёт любящее существо, если я полюблю, в минуты того будущего счастья, я, наверно, буду с благоволением вспоминать минуты этого прошедшего счастья, когда я научился любить, // л. 9 когда я был чист душою, как ребёнок; когда природа и люди совершали надо мною какое-то священнодействие, полагали в моё сердце истину и семена лучшей жизни. Семена эти заглохли или принесли скудные плоды, двери Эдема закрылись, но виной этому я. Не таков я теперь, как был тогда. Теперь меня зовут не так, как звали там: «Моя речь — вся ирония, я сам воплощённая ирония»; это свойство поэтами приписывается дьяволу и недаром: это дурное свойство. А по моему мнению — я комедиант, пустой человек без содержания..., отсюда и ирония (принадлежность в большинстве случаев скептиков и софистов).

Итак, 17 июня в 8 ч. вечера я приехал в Харино и увидел на крыльце С. Ю., а затем в сенях и Е. Н. Первая фраза её была: «а мы, кажется, с Вами виделись?» (виделись, но ни слова не сказали в [18]74 г.) ...

И начал я жить в с. Харине и жил до 3-го июля... Помню, прежде всего, разговор вообще обо всём в парке на лужайке. Е. Н. лежала с книгой, я сидел на пледе, С. Ю. ушла зачем-то. Здесь

впервые я увидел в Е.Н. симпатичную личность. Разговор этот происходил // л. 9 об. по поводу фразы, сказанной накануне Е. Н[иколаевн]ой. Она на какую-то мою выходку спросила меня — не «сын ли я XIX века» в специфическом смысле этого слова. Я торжественно отрёкся от этого обвинения, даже рассердился на него: я и тогда считал себя идеалистом. Кроме этого и некоторых фактов, изложенных в моём дневнике за то время, я не помню никаких выдающихся (7 июня, утро) фактов до 23-го июня. Почти весь день мы бывали там вместе, гуляли, говорили, смеялись, шутили, но интересная, дорогая для меня пора наступила с 23-го.....

днём, 16-го августа 1879 г.

7-го июля написал я последние 3 строки. С тех пор всё изменилось. Цель, с к[ото]рой я писал всё предыдущее, уничтожилось силою обстоятельств, к моему полному счастью... К счастью! Я теперь счастлив, не могу не сказать: вполне, но счастлив, спокоен, доволен! Снова я могу вы-

сказываться, снова у меня есть — // л. 10 друзья! А с тех пор, к[а]к возобновилось общение с ними, мои беспокойства исчезают, исчезли, отошли в прошлое.

И на душе и теплей и светлее,
Лучше, чем было в весенние дни,
Сердце колыхается тише, ровнее,
И незаметно волнуется в крови;
Мрачные думы давно убежали, Пусть исчезают печали, Сердце покоя желает, любви.

Итак, писать это незачем? Да, незачем!

Но мне хочется продолжить это, сделать до конца начатое дело, написать отрывок из автобиографии, чтобы светлая эпоха моей жизни не была забыта никогда и в подробностях. Подумаю: может быть и допишу.

2-го сентября 1879 г.

Твёрдо решил дописать. Время, кажется, будет. Лишь пришло бы вдохновенье. Начал было сегодня, но бросаю, потому что нет никакой способности серьёзно взглянуть на произошедшее.

Список литературы

1. Поляков С. Н. К вопросу о реформе средней школы: сб. ст. Тула : тип. Б. Е. И. Дружининой. 1916. 100 с.
2. Академик С. Ф. Платонов: переписка с историками : в 2 т. / сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука. 2003. Т. 1. 388 с.
3. Митрофанов В. В. Дневниковые записки гимназиста С. Ф. Платонова (19 марта — 11 декабря 1877 г.): «не выражая, выражу». Часть 2 // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 95–112. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistravitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-95-112
4. Митрофанов В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодёжи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.* : сб. ст. и материалов / под. ред. А. М. Дубровского. Вып. 5. Брянск : ИС, 2019. С. 151–218.
5. Митрофанов В. В. «Хорошо ещё, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2021. № 1. С. 89–110.

References

1. Polyakov SN. *K voprosu o reforme srednej shkoly = On the issue of secondary school reform*: sat. art. Tula; 1916. 100 p. (In Russ.).
2. Akademik SF. Platonov: perepiska s istorikami: v 2 t. = *Academician S. F. Platonov: correspondence with historians*: in 2 vols. Moscow; 2003. Vol. 1. 388 p. (In Russ.).
3. Mitrofanov VV. Diary Notes of High School Student S. F. Platonov (March 19 — December 11, 1877): “Without Expressing, I Will Express”. Part 2. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii = Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):95-112. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-95-112 (In Russ.).
4. Mitrofanov VV. The Faculty of History and Philology after S. M. Solovyov: the teaching staff and the search for advanced youth in the letters of the student V. N. Berkut to S. F. Platonov. *Otechestvennaya kul'tu-*

ra i istoricheskaya mysl' XVIII — XX vv.: sb. st. i materialov = Russian culture and historical thought of the XVIII — XX centuries: collection of articles and materials. Pod. red. A. M. Dubrovskogo. Rel. 5. Bryansk; 2019. Pp. 151–218. (In Russ.).

5. Mitrofanov VV. “It’s good that I have such a friend...”: letters from E. N. Kalaidovich to S. F. Platonov. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii = Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology. 2021;(1):89-110. (In Russ.).*

Информация об авторе

В. В. Митрофанов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин; заслуженный работник образования ХМАО — Югры.

Information about the author

V. V. Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines; Honorary Worker of Education of KhMAO — Yugra.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.